

Г. Г. Силласте

СОЦИОЛОГИЯ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ К КРЕАТИВНОМУ ПОИСКУ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: Волков Ю. Г., Лубский А. В.

Социология в России: в поисках новых идей и креативности.

Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. 196 с.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5741

Книг по социологии – будь то монографии или учебники, пособия или практикумы – сегодня в России выходит много и далеко не на каждую можно найти отклик. Попавшая в поле зрения монографическая работа коллег привлекла меня прежде всего «российской пропиской» предмета анализа. Речь идёт об отечественной социологии, её эволюции, научных поисках, противоречиях и успехах становления. Современная увлечённость (и замечу, отнюдь не только социологов) западными авторами, научными школами, цитированием и пересказом авторских мыслей, что в совокупности можно назвать массовой англоизацией социологии от учебного процесса до научных трудов, обострила внимательность к вопросам развития отечественной социологии. Поэтому монография ростовских коллег-профессоров Южного федерального университета Ю. Г. Волкова и А. В. Лубского, посвящённая отечественной социологии, привлекла моё внимание и потребность поразмышлять над этой работой.

Как отмечают сами авторы, поводом для появления их книги стала публикация двухтомной работы М. К. Горшкова «Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)» [Горшков, 2016]. Работа, которая по признанию авторов, наряду с аналитикой, интерпретацией и социологической диагностикой российского общества включает обширный пропедевтический раздел, посвящённый теоретико-методологическим основаниям современной социологии, ставший предметом критического осмысления в рамках рефлексивного методологического сознания авторов рецензируемой книги.

В интерпретации академика М. К. Горшкова социология – наука об обществе и для общества, способ самопознания общества. На этом основании авторы включили в книгу главы, в которых рассматривают наиболее актуальные, на их взгляд, проблемы развития современной социологии. Так, в главе «Социология как наука об обществе» (с. 47–96) внимание авторов сконцентрировалось на широком диапазоне анализируемых вопросов, начиная от сакрального – что такое социология и что изучают социологи. А далее развернута цепочка взаимосвязанных исследовательских траекторий анализа: будущее со-

циологии и способы интеграции социологического знания; антиномии микро- и макросоциологии, эмпирического и теоретического знания. Логично авторы подошли и к анализу столь животрепещущего в социологии вопроса как социологическая аналитика и интерпретация, а также социологическая реконструкция социальной реальности.

Глава «Социология как наука для общества» (с. 97–113) вместила много проблем: и о функциях социологии в современном обществе; о том, что такое публичный поворот в социологии и особенности публичной социологии в России; о моделях управленческой деятельности; необходимости диалога социологии и социологов с властью и обществом; а также о перформативном повороте в социологии, трансдисциплинарных научно-исследовательских практиках.

В главе «Социология как способ самопознания общества» (с. 114–168) внимание авторов привлекают следующие вопросы: 1) социология как самосознание исследований; сообщества, контекстуальность; 2) социология как способ и язык социологического самопознания общества: парадигмальные основания социологических научно-исследовательских практик; 3) классическая и неклассическая модели социологического исследования; 4) постнеклассический поворот: синергетическая парадигма социологических исследований; «постмодернистский вызов» и реалистическое направление в социологии; 6) неоклассическая модель социологического исследования; 7) прагматический поворот в социологии: интеграция микро- и макросоциологических научноисследовательских практик; 8) социологическое исследование как моделирование социальной реальности: конструктивный реализм и новый тип методологического сознания; 9) атрибутивные признаки научности социологического исследования.

Авторы, приглашая коллег к социологическому дискурсу, стремятся не только поставить актуальные проблемы, связанные с развитием современной социологии, но и предложить оригинальные идеи их решения. Эти идеи, зачастую не вписывающиеся в контекст традиционного противостояния сциентистских, рассудочно-социологистских и антисциентистских, экзистенциально-антропологических теорий социального познания, скорее всего, вызовут полемику в российском академическом сообществе, а также критику со стороны как радикальных объективистов и реалистов, так и радикальных конструктивистов и номиналистов, претендующих на монополию в разработке теоретико-методологических оснований социологических исследований.

Рефреном через всю книгу проходит мысль авторов о том, «что социолог, занимаясь в процессе изучения социальной реальности производством научных знаний, презентует в них не только саму социальную реальность, но и свои собственные представления о ней, сложившиеся в контексте современного социологического дискурса. В этом плане социологическое исследование как процесс когнитивного моделирования социальной реальности направлено на создание соответствующей ей научной картины, в которой, с одной стороны, всегда обнаруживается специфика современных дискурсивных практик, а с другой —

угадываются особенности методологического «почерка» познающего» (с. 15–16). В связи с этим авторы в первой главе «Пространство социологического дискурса в России и новые идеи в российской социологии» (с. 18–46) раскрывают особенности современных дискурсивных практик в российском академическом сообществе и подвергают критическому анализу новые идеи в российской социологии на предмет их креативности.

Авторы считают, что специфика дискурсивных практик в России во многом обусловлена той интеллектуальной ситуацией, которая сложилась в отечественной социологии на рубеже веков. Описывая эту ситуацию, авторы используют метафору «fin de siècle», означающую конец одной и начало другой эпохи: краха многообещающих начинаний, но и сохранения надежды на интеллектуальные прорывы. При этом они считают, что интеллектуальная ситуация обусловлена, с одной стороны, процессами, происходившими в российской социологии в 1990-х гг., а с другой – трендами, наблюдаемыми в современном социальном познании. В целом позитивно оценивая развитие социологии в России, находящейся в поиске новых идей и новых способов решения научно-исследовательских задач, авторы отмечают, что в российской социологии существуют такие негативные явления, как научное транслаторство, идеологическая ангажированность и научное антрепренерство. Авторы обращают также внимание на то, что в российской социологии после отмены марксизма обнаружился дефицит креативности при решении научно-исследовательских задач. Этот дефицит проявляется в том, что многие российские социологи не занимаются разработкой специальных социологических теорий, адекватных российской специфике, предпочитая заимствовать теоретические знания, полученные западными учёными при изучении социальных реалий, отличных от российской социальной действительности (с. 28–31).

В связи с этим авторы акцентируют внимание на том, что в международном сообществе социологов в настоящее время сформировалось достаточно влиятельное направление, получившее название «постколониальной социологии», или «социология иного мира». Представители этой социологии поставили под вопрос универсальность теоретических идей западной социологии, что способствовало кризису евроцентристского социологического знания о современном мире (с. 177–178). Они считают, что эти теории и подходы можно использовать, но соблюдая при этом в научно-исследовательских практиках принцип социальной контекстуальности. Этот принцип, которому в современной, в том числе и западной социологии, стали уделять повышенное внимание [Титаренко, 2009: 16–24], означает, что всякое социальное явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. В связи с этим авторы подчёркивают, что использование в социологических исследованиях понятий и теорий, возникших в западноевропейском социокультурном и языковом контексте для описания и объяснения российских социальных реалий, предполагает предварительную культурологическую и лингвистическую

экспертизу, направленную на выяснение степени соизмеримости различных пластов российского и западноевропейского социокультурного опытов, или поиск областей их социокультурного совпадения (с. 115–116).

Интеллектуальная ситуация в современной российской социологии, как полагают авторы, характеризуется также эпистемологическим конфликтом «отцов» и «детей». Для «отцов», вышедших из «марксистской шинели», испытавших шок от постмодернистской вседозволенности и подхвативших упавшее было знамя интеллектуальной борьбы за объективность, мысль об отсутствии единой корреспондентной истины и возможности множественности интерпретаций социальной реальности на практике означает отказ от научности социологического познания. Однако «отцы», как считают авторы, не определяют мейнстримы в развитии российской социологии. Из теоретического «подполья», напротив, выходят «дети», придерживающиеся противоположных методологических оснований в своей научно-исследовательской деятельности, акцентируя внимание на ценностном выборе социологов (с. 36).

Авторы рассматривают конфликт «отцов» и «детей» в российской социологии как отражение борьбы, ведущейся на протяжении уже длительного времени между рассудочно-социологистскими и экзистенциально-антропологистскими теориями социального познания. В рамках первых теорий социологии пытаются придать статус «строгой науки», игнорирующей деятельностную природу социологического познания и акцентирующей внимание на его объекте. В рамках вторых теорий, наоборот, акцент делается на активности субъекта социологического познания при рассмотрении его в единстве когнитивных, аксиологических и деятельностных аспектов [Микешина, 2002: 49–51]. Поэтому рассматривая тренды в современном социальном познании, авторы считают, что они проявляются прежде всего в переходе от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической и мультипарадигмальности научно-исследовательских практик (с. 21–24).

Плюралистическая интерпретация социальной реальности и мультипарадигмальность научно-исследовательских практик подкупает, как считают авторы, когнитивными возможностями, и поэтому сосуществование и конкуренция различных парадигм являются необходимым условием нормального развития социальных наук. Однако в российской социологии мультипарадигмальность, как подчёркивают авторы, зачастую сопровождается методологическим «сепаратизмом» и превращением её в своего рода «отдельные столики», сидящие за которыми не желают слышать и понимать друг друга, или «коммунальные квартиры», в которых представители различных научных парадигм имеют свои критерии социально значимого, свою методологию и свой научный язык, что затрудняет научную коммуникацию в профессиональном сообществе (с. 24). Всё это, как считают авторы, превращает российскую социологию в «ярмарку идей», когнитивное поле многообразных социологических дискурсов, в результате которых социальная реальность растворяется во множестве теоретических

конструктов, смысловых миров и ценностных концептов (с. 36). В силу этого в научно-исследовательских практиках постоянно ускользают целостность и многомерность изучаемых социальных явлений.

В связи с этим в современной социологии усилилась, как отмечают авторы, познавательная потребность в целостном восприятии социальной реальности и обнаружилось стремление к новому холистскому реваншу, направленному на преодоление парадигмальной ограниченности специализированных научно-исследовательских практик. Это делает востребованным «новый теоретико-методологический инструментарий, новый тип социологического воображения». В качестве такого инструментария авторы предлагают неоклассическую модель социологического исследования, направленную на преодоление противостояния в социологической традиции объективистских и конструктивистских, реалистских и номиналистских, социологистских и антропологистских методологических позиций (с. 138–144). Авторы отмечают, что неоклассическая модель социологического исследования стала формироваться в рамках постнеклассической социологии в качестве методологического «ответа» на эпистемологические «вызовы» постмодернизма, разрушившие все привычные представления о социальной реальности и природе социологического познания, а также неоклассической рациональности, поставившей проблему синтеза теоретико-методологических оснований социологических научно-исследовательских практик. В основе неоклассической модели социологического исследования лежит критический, реалистско-синкретический стиль научного мышления. Особенность этого стиля мышления, стремящегося к новому холистскому реваншу, проявляется прежде всего в разработке многомерных методологических конструктов социологических исследований, основывающихся, с одной стороны, на разноуровневом и разномасштабном видении социальной реальности, а с другой – на синтезе познавательных установок классической и неклассической моделей социологического исследования.

Основой неоклассической модели социологического исследования является принцип конструктивного реализма (с. 158–159), представители которого, считая, что между социальной реальностью и взглядами социологов на неё существует определённая связь, обращают внимание на коммуникативную природу социологических исследований, предполагающую взаимодействие субъектов научно-исследовательской деятельности не только с её предметами, но и в дискурсе друг с другом. В связи с этим представители конструктивного реализма полагают, что социальная реальность существует объективно, однако научные знания о ней зависят не только от самой реальности, но и от тех паттернов или фреймов, сквозь призму которых исследователи смотрят на эту реальность. При этом они отмечают, что на социальную реальность можно смотреть сквозь призму разных паттернов и фреймов, правомерность и разнообразие которых создаёт проблемное поле интеллектуальной напряжённости, порождая в социологии научные дискуссии как важнейшее условие её саморазвития.

Разновидностью конструктивного реализма в современном социологическом познании является конструктивный альтернативизм, согласно которому, как отмечают авторы, социальная реальность может интерпретироваться исследователями разными способами на основе «конструктивных альтернатив» или научных парадигм, позволяющих рассматривать одни и те же социальные явления с различных точек зрения. Под влиянием идей конструктивного альтернативизма в социологии происходит становление нового типа методологического сознания, актуализирующего вопрос о субъективном «мире» социологического знания, в котором обнаруживает себя объективный «мир» социальной действительности (с. 159–160). В результате в социологическом познании, как отмечают авторы, преодолевается «жажда объективности» и формируется представление о том, что «социальный мир» становится социальной реальностью в соответствии с познавательным контекстом. В связи с этим в академическом сообществе сегодня почти не осталось учёных, которые бы с такой страстью, как ещё совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к изучению социальной реальности. В таких условиях, как пишут авторы, социологическое знание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает социальную реальность «саму по себе» в той мере, в какой эта реальность трансформируется в разные её «картины», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной.

В связи с этим в социологическом дискурсе актуализировался вопрос об атрибутивных признаках научности социологических исследований и будущем социологии после постмодернизма. К таким атрибутивным признакам научности, придающим определённую «методичность» социологическим исследованиям, сами авторы относят рациональность, актуальность, критичность, проблемность, контекстуальность, инновационность, стремление к истине, субъектность, рефлексивность, предметность, методологизм, фальсификационизм, фундаментализм, эмпиризм, теоретизм, концептуализм (с. 160–168).

Будущее социологии после постмодернизма авторы связывают с изменением её роли в современном обществе в рамках публичного и перформативного в ней поворотов (с. 169–180). В рамках публичного поворота социология позиционируется, с одной стороны, как критическая социология, направленная на изучение больших вопросов современного общества и решение наиболее «злободневных» проблем социального развития в условиях глобализации, с другой стороны – как «активная социология», помогающая людям в их стремлении к справедливому миру. Перформативный поворот в социологии нацеливает социологов не только на моделирование социальной реальности в виде системы концептуального социологического знания, но и на практику его применения как основы социальных действий.

В рецензируемой книге авторам в целом удалось широкими рефлексивными мазками создать концептуальную картину теоретико-методологических проблем, с которыми сталкивается сегодня российская социология в условиях «вызовов»,

бросаемых ей эпохой позднего модерна: сложности и неопределённости текущей социальной реальности, парадигмального многообразия научно-исследовательских практик. Предлагаемые авторами идеи, связанные с поиском путей и способов решения этих проблем, требующие ещё критического осмысления, заставляют вновь задуматься о специфике социологического познания, значения в нём культурно-эпистемологического контекста и языка научного дискурса.

В целом эта книга для размышлений и актуализации интереса именно к отечественной социологии и креативной мысли современных российских социологов.

*Силласте Галина Георгиевна
Заслуженный деятель науки РФ,
научный руководитель Департамента социологии, истории и философии
Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации*

Список литературы

Буравой М Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 5–14.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016.

Кравченко С.А. К итогам конференции Европейской социологической ассоциации // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 147–154.

Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология: размышления после конгресса // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16–24.